

ПРОСТИТУЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ Г. РЫБИНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы городской проституции в России во второй половине XIX – начале XX вв. на примере уездного г. Рыбинска Ярославской губернии. На основе анализа неопубликованных архивных источников и материалов местной периодической печати проституция впервые рассматривается как социокультурный феномен рыбинской городской повседневности. В работе представлены статистические показатели рыбинской проституции, рассмотрены места и условия проживания, а также социальное положение публичных женщин. Изучены обстоятельства попадания в профессию и возможность выхода из нее, проанализирована деятельность содержательниц проституток и социокультурная среда, сложившаяся вокруг проституции как явления городской жизни. В 40-е гг. XIX в. проституция в России была легализована и находилась под надзором полиции. В Рыбинске действовала врачебно-полицейская комиссия, которая с целью снижения количества венерических заболеваний контролировала постановку женщин легкого поведения на учет, организацию медицинских освидетельствований, выдачу разрешений на открытие борделей. В период навигации приток проституток в Рыбинск был значительным и превышал по данному показателю губернский г. Ярославль. Публичные женщины проживали в домах терпимости, квартирах или у содержательниц, которые сделали из этого важную статью своих доходов. Условия такой жизни были тяжелыми, но провинциалки выбирали их взамен полуголодного существования. Криминогенная обстановка, царившая в рыбинских борделях, способствовала совершению самых различных правонарушений. Большинство проституток происходило из низших социальных групп. Уличение в тайной проституции вело к изменению социального статуса и ограничению личной свободы женщин. Выход из числа проституток был возможен после одобрительно-го заключения со стороны полицейских властей.

Ключевые слова: Ярославская губерния, Рыбинск, проституция, врачебно-полицейская комиссия, дом терпимости, венерические заболевания, преступность.

Для цитирования: Карандашев Г.В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60>

Research Article

PROSTITUTION IN THE DAILY LIFE OF RYBINSK IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENT

Gleb V. Karandashev, Candidate of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of urban prostitution in Russia in the 2nd half of the 19th – the early 20th cent. in the example of the district city of Rybinsk, located in Yaroslavl Province. Based on the analysis of unpublished archival sources and materials of the local periodical press, prostitution has for the first time been considered as a socio-cultural phenomenon of Rybinsk urban everyday life. The paper presents statistical indicators of Rybinsk prostitution, examines the places and conditions of residence, as well as the social status of public women. The circumstances of entering the profession and the possibility of giving it up are studied; the activities of female prostitutes' keepers and the socio-cultural environment that had developed around prostitution as a phenomenon of urban life are analysed. In the 1840s, prostitution in Russia was legalised and got under the supervision of the police. In Rybinsk, there was a medical and police commission, which, in order to reduce the number of sexually transmitted diseases, controlled the registration of women of easy virtue, organising medical examinations, the issuance of permits for the opening of brothels. During the navigation period, the influx of prostitutes to Rybinsk was significant and exceeded the provincial city of Yaroslavl by this indicator. Public women lived

in brothels, apartments or stayed with their keepers, who made an important item of their income from this. The conditions of such a life included hardship, but provincial women preferred that to a half-starved existence. The criminogenic situation prevailing in Rybinsk brothels contributed to the commission of a variety of offences. Most prostitutes came from lower social groups. Being caught in secret prostitution led to a change in the social status and restriction of women's personal freedom. The exit from the number of prostitutes was possible after the approval of the police authorities.

Keywords: Yaroslavl Province, Rybinsk, prostitution, medical and police commission, brothel, venereal diseases, crime.

For citation: Karandashev G.V. Prostitution in the daily life of Rybinsk in the 2nd half of the 19th – the early 20th cent. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 53–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60>

С конца XIX в. в России стал изучаться широкий спектр проблем, связанных с таким социальным явлением, как проституция. Появились публикации регионального характера [Ге; Поспелов; Федоров]. В современной историографии тенденция изучения феномена продажной любви на локальном материале получила дальнейшее развитие [Лебина, Шкаровский; Кончаковская], хотя по-прежнему остается много вопросов в понимании социокультурных особенностей проституции на местном уровне, а также в изучении деятельности властей по её регламентации. Проституция как общественный феномен повседневной жизни г. Рыбинска в середине XIX – начале XX вв. до настоящего времени не становилась объектом отдельного исследования.

Рыбинск в летние месяцы являлся сосредоточием европейской и отчасти азиатской экономической жизни России¹, был вторым по величине городом Ярославской губернии и до революционных событий 1917 г. считался крупнейшим центром торговли зерном. Согласно всероссийской переписи в 1897 г. в нем проживало 25 290 чел.², а в период навигации население возрастало до 80–100 тыс.³ Подобная динамика усложняла социальные отношения, что находило свое отражение в различных сферах повседневной жизни, в том числе в таком явлении, как проституция, легальная часть которой с 1843 г. находилась под надзором властей. В Санкт-Петербурге и Москве появились врачебно-полицейские комитеты. Власти других губерний долгое время руководствовались столичными нормативными документами [Сидоркин, Орлов].

В 1882 г. в Рыбинске была учреждена смешанная врачебно-полицейская комиссия по предупреждению распространения венерических заболеваний среди населения и нижних воинских чинов из гражданских и военных чиновников под председательством рыбинского полицмейстера. В ее состав также вошли городской врач, военный врач и офицер 35-й пехотной дивизии. В 1886 г. благодаря инициативе военных властей работа этой комиссии была активизирована. Она осуществляла контрольно-административные функции в сфере регламентации городской проституции с целью снижения заболеваемости половыми болезнями⁴.

Первоначально проститутки осматривали в рыбинской городской больнице, но часть из них ста-

ралась избежать этой процедуры. 2 июня 1857 г. городской врач уведомлял полицию, что «публичные женщины, имеющие постоянное пребывание в здешнем городе, вовсе не являются к медицинскому освидетельствованию»⁵. Ситуация начала меняться в связи ростом венерических заболеваний среди солдат. В 1868 г. полицмейстер приказал «без малейшего отлагательства обязать публичных женщин, живущих по разным квартирам – самих лично, а находящихся в публичных заведениях – содержательниц оных, чтобы они являлись каждую неделю в городскую больницу для освидетельствования»⁶.

С 1888 г. врачебные осмотры проводились городским врачом с 15 апреля по 15 октября 2 раза в неделю по средам и субботам, а в зимнее время, после закрытия навигации, 1 раз по субботам. Проститутки, уличенные в неявке на осмотры, по приговору городских судей заключались под арест на срок от 3 до 7 дней. Власти сумели отрегулировать процесс медицинского освидетельствования проститутки и повысить дисциплину среди солдат. Показатели заболеваемости сифилисом снизились⁷.

В 1855 г. в Рыбинске значилась 41 проститутка. В списках городской полиции они были аккуратно распределены по сословному признаку: 5 мещанок, 3 мещанских девицы, 2 солдатки, 1 солдатская жена, 11 солдатских дочерей, 1 обер-офицерская дочь, 1 крестьянка, 7 крестьянских девиц, 2 крестьянских дочери, 1 государственная крестьянская девица, 1 государственная крестьянская дочь, 2 дворовых девки, 3 вольноотпущенных и 1 дворянка⁸. В середине XIX в. большинство рыбинских проститутки были жительницами города или близлежащей округи и принадлежали к низшим социальным стратам.

На 1 августа 1889 г. в Рыбинске официально находилось 6 домов терпимости, в которых состояло 38 проститутки: 16 из них были представительницами Ярославской губернии, 21 девушка – из другого региона и 1 являлась иностранкой. Кроме того, в городе на учете состояли 74 проститутки-одиночки: 33 местных, 40 из других губерний и 1 иностранка. Таким образом, на указанную дату было официально зарегистрировано 112 публичных женщин, что превосходило данный показатель по губернскому г. Ярославлю, где на учете на тот момент состояла 91 проститутка, а домов терпимости было также 6.

Во всей Ярославской губернии значилось 259 публичных женщин⁹.

В 1894 г. с 6 мая по 3 октября единственный дом терпимости в Рыбинске имела жена ярославского отставного унтер-офицера Петрова. В нем состояло 27 проституток. С завершением навигации она закрыла заведение и уехала в Ярославль. В 1894 г. в городе было зарегистрировано 211 проституток-одиночек. С 11 апреля 1895 г. до 28 октября 1897 г. на Игуменской ул. действовал бордель нарвской мещанки М. Григорьевой, в котором числились 23 женщины¹⁰.

К 1 января 1895 г. насчитывалось 132 одиночки, из них 28 прибыли по проходным свидетельствам, а 55 были зачислены по подозрению в тайной проституции. Всего за 1895 г. было зарегистрировано 215 одиночек. Из их числа постановлениями врачебно-полицейской комиссии исключили 40, по проходным свидетельствам выбыло 74 и умерло 5. К 17 декабря 1895 г. в городе проживало 96 женщин легкого поведения¹¹. К концу XIX в. заметно возросла доля приезжих проституток. С окончанием судоходства они покидали город.

В 1896 г. в городе функционировали два дома терпимости. Один из них по-прежнему содержала Григорьева, а со 2 июня борделем также руководила ярославская мещанка Ф. Соколова на Ново-Мещанской улице. 16 сентября из-за беспатентной торговли спиртными напитками и «разных беспорядков» заведение Соколовой закрыли¹².

В 90-е гг. XIX в. количество официальных борделей в Рыбинске заметно снизилось. При этом, например, в 1897 г., действовали 14 нелегальных притонов и домов свиданий, где проживали по 2–3 публичных женщины¹³. Большинство зарегистрированных и тайных проституток предпочитали находиться на квартирах. К началу XX в. ситуация несколько изменилась. В 1903 г. в городе действовало 9 домов терпимости и 3 дома свиданий, где состояли 112 женщин, а 118 проституток были зарегистрированы как одиночки¹⁴.

Значительная часть проституток не имела собственных квартир, а проживала «на хлебах» или пользовалась помещением временно «лишь для непотребства у так называемых квартирохозяев, сделавших из этого свой промысел». Почти все такие квартиры и постели в них содержались неопрятно, а большинство владельцев жилья эксплуатировали квартиранток и были «не благонадежны во всех отношениях»¹⁵.

В декабре 1895 г. пристав второй полицейской части докладывал, что во вверенном ему районе постоянно проживали 120–150 проституток, из которых в разрешенном администрацией публичном доме находились лишь 10. Остальные размещались «по разным квартирам лиц, проживающих развратом про-

ституток, сделав из этого промысел свой». Около 50 таких квартир были расположены на Ушаковской и Игуменской улицах¹⁶.

Проститутки, поступавшие на жительство к содержательницам притонов, либо платили определенную сумму «до 15 р. за стол и квартиру» и получали остальные деньги себе на руки, либо же переходили из квартиры в квартиру и оплачивали «за кровать и гостя определенную сумму». Подобные условия жизни гулящих женщин противоречили условиям «надлежащего надзора за народным здоровьем»¹⁷.

С декабря 1895 г. квартирохозяевам было необходимо получать ежегодное разрешение с условиями содержания у себя проституток-одиночек с обязательным указанием их числа¹⁸. Так, в 1899 г. крестьянка череповецкого уезда А. Матвеева получила свидетельство о том, что постановлением рыбинской врачебно-полицейской комиссии от 3 февраля ей было разрешено в занимаемой квартире на Игуменской улице «держать квартирантками двух проституток, для которых должны быть особые кровати с чистым бельем в отдельных комнатах или по крайней мере кровати должны иметь занавес или ширмы <...> дозволяется в ней жить только квартиранткам проституткам и женской прислуге. Иметь детей и мужскую прислугу воспрещается». Матвеева также отвечала за тишину и спокойствие, должна была заботиться о безопасности посетителей, не допускать пьянство, наблюдать за здоровьем своих квартиранток и сообщать полиции в случае заболевания последних венерическими заболеваниями. Квартира могла быть заменена на новую только с дозволения полиции по предварительному осмотру с городским врачом¹⁹.

Уличенных в тайной проституции буквально заставляли присоединиться к соответствующей социальной группе. Пристав 1-й полицейской части в сопроводительной записке писал: «...задержанную за пьянство и проституцию, назвавшуюся крестьянкой Мышкинского уезда Воскресенской волости д. Родионова Екатериной Ивановой Носухиной, которая занимается тайной проституцией, прошу по освидетельствованию ее зачислить в разряд проституток»²⁰.

В Рыбинске девушкам, «обратившим распутство в промысел», выдавали медицинские книжки. Паспорта изымались и хранились при полицейском управлении второй части. Приставу поручалось следить за регулярной явкой проституток на медицинские осмотры, а в особых случаях доставлять их «мерами полиции»²¹.

Вернуть прежний социальный статус и паспорт было гораздо сложнее. В 1895 г. было отказано в 6 подобных просьбах. 24 августа крестьянская девица Л.И. Свечникова, проживавшая в Егорьевской

слободке в доме своей тетки Н.Р. Буйковой, обращалась с прошением к полицмейстеру, объясняла: «Я занималась проституцией до 18 июля настоящего года, а в настоящее время вот уже с лишним месяц как не занимаюсь этой проституцией, нахожусь на содержании <...> я же без паспорта проживать не могу, да тем более, что и сам закон строго воспрещает проживать где-либо без законного вида». В ходе дознания выяснилось, что, несмотря на то, что мологский мещанин Пучков «давал Свечниковой содержание, она продолжала заниматься развратом». Это удостоверяли проститутка Рыбакова и родственница Свечниковой Буйкова. Ввиду открывшихся обстоятельств прошение было оставлено «без последствий»²².

22 ноября 1895 г. крестьянская жена А.М. Тихомирова заявляла, что уже два года не занималась проституцией и жила «семейным положением, а все-таки как проститутка должна ходить на полицейско-медицинский смотр, как и прочие, которые оной занимаются». Оказалось, что тридцатилетняя Тихомирова являлась разведенной, без права вступить в брак. Она 2 года сожительствовала с крестьянином рыбинского уезда И.П. Прословым на Игуменской улице. В их квартире проживали проститутки, на тот момент Орленская и Мяковская. По словам домовладельца А. Федулова, «поведение Тихомировой неодобрительное, она, хотя и оставила будто бы заниматься развратом, но вместе с тем постоянно пьянствует с приезжающими в квартиру гостями. Тихомирова имеет квартиру, в которой содержатся проститутки, что служит ей с любовником средством к существованию». В прошении о выдаче вида на жительство было отказано²³.

Желавшим завязать с постыдным прошлым требовалась положительная характеристика из полиции, подтверждавшая, что с бывшим ремеслом действительно покончено. Также из числа проституток исключали в силу возраста и беременности. Решение могло носить субъективный характер и зависело от результатов дознания и личного мнения полицейских служащих.

Романово-Борисоглебская мещанская девица М.Н. Мыльникова в ходатайстве к полицмейстеру описала следующую историю: ее мать А.Т. Мыльникова попросила Романово-Борисоглебского мещанского старосту «выслать общий паспорт своего семейства, состоящего из двух дочерей – меня, Марии, и Любви, но почему-то староста выслал мне отдельный, и этот-то паспорт мой помощник пристава 2-ой части Юматов самоуправно не выдает, а насильно предлагает книжку как проститутке, чем я никогда не занималась и не занимаюсь, хотя действительно имею содержателя <...> г. Юматов заставляет меня являться на освидетельствование к доктору или приглашает к себе на квартиру, пла-

тя визит, – подобное приказание омрачает меня 22 л. девицу, могущую вступить в супружество, но когда будет сделана на паспорте надпись “проститутка”, то я погибну». 2 июня 1895 г. комиссия рассмотрела прошение Мыльниковой и постановила исключить ее из разряда проституток. В донесении пристава 2-й части от 31 мая значилось, что она оставила прежний образ жизни²⁴.

Большинство проституток были зарегистрированы на Мышкинской, Игуменской, Ушаковской, Спасской, Покровской, Ново-Мещанской, Крестовой и Угличской улицах. Самой знаменитой в этом смысле считалась Игуменская, или Игуменка, которая представляла из себя «тоже, что Грачевка в Москве, Пошехонка да Кучерской переулоч в Ярославле <...> Обыватели Игуменской улицы – ночные дети Рыбинска». На ней проживали «отбросы цивилизационного общества, те птицы, полет которых среди дня колет глаза Божьему солнцу. Днем на Игуменке тишина мертвая; на ночь же улица закипает жизнью веселой широкой масленицы. Из целого ряда домов и надворных флигелей да лачужек слышны безобразные звуки разбитых инструментов, заглушая пьяные песни, визги, бой посуды и как бы взывая к небу об отмщении за исковерканную жизнь пирующих... а темная бесфонарная ночь придает ей какой-то зловещий, ужасный вид. Двери пивных и трактиров ночью открыты настезь... Фонарей на Игуменке, кроме красных, которые „терпятся“, почти не полагается»²⁵.

История «разгульной Игуменки» закончилась в 1903 г. переименованием в Карякинскую улицу – по имени В.А. Карякина, построившего на ней за собственный счет городское трехклассное училище, и изгнанием домов терпимости в Хомутовскую слободу. Квартал, в котором ютились жертвы общественного темперамента, был перестроен и занят тихими жильцами. Зимой 1904 г. «на прежнем „веселом пруде“, скрывавшем в старинные годы не одно тяжкое преступление», был открыт каток²⁶.

Одним из самых опасных мест Рыбинска прослыла примыкавшая к западной окраине города густонаселенная Хомутовская слобода. Располагавшаяся на арендуемых у помещика С.А. Хомутова землях, к началу XX в. она насчитывала около 300 жилых построек, где обитало более 3 тыс. жителей, главным образом железнодорожных служащих и рабочих²⁷.

С наступлением осенних вечеров в городе учащались мелкие кражи, а на окраинах «свирепствовал хулиган». Особенно «славилась» по этой части Хомутовская слобода, где по местному выражению был что ни «дом, то публичное заведение». Корреспонденты сетовали на то, что «нет правил, ограничивающих публичную проституцию вне городской черты, и поэтому дома терпимости в Хомутовской

слободе не отмечены, как в городе, красным фонарем, не снабжены оконными ставнями, обитательницы же их сидят не в комнатах, но на уличных тумбочках и завалинках»²⁸.

1 августа 1901 г. сотский В. Разин шел через Хомутовскую слободу по Владимирской улице, а сидевшие на улице в пьяном виде проститутки, проживавшие в доме Громова, В. Смирнова и А. Соколова, стали ругать его площадными словами, «а Соколова помимо прочего хотела бросить в него кирпичиной». 27 февраля волостной суд заслушал уголовное дело по обвинению полицией Смирновой и Соколовой, но обвиняемые на суд не явились. Потерпевший дело попросил прекратить²⁹.

По вечерам в слободу стекались «целые ватаги пьяных людей». Были случаи открытого нападения на прохожих и дома обывателей. Человека могли ограбить, избить, а порой совершались и более жестокие преступления, о которых сообщала местная пресса³⁰. Около 10 часов вечера 9 марта 1903 г. четверо хулиганов явились к дому Туманцева в Хомутовской слободе, где проживали проститутки. Хозяйка квартиры М. Кораблева под угрозой погрома передала через форточку деньги на водку. Позднее они ворвались в соседнюю квартиру содержательницы проституток Н. Гуляевой, где «принялись безобразить. Разбили стол, стулья и, выбив стекла у горки, побили всю находящуюся в ней посуду и на глазах опешившей от страха прислуги забрали белье, 12 бутылок пива и еще какие-то вещи, всего на сумму около 40 руб., и спокойно ушли». Затем шайка опять возвратилась к квартире Гуляевой, «побила все стекла в рамах, и по пути побила также все стекла в рамах в соседней квартире Трусовой и затем скрылась»³¹.

5 июля 1903 г. на рыбинского мещанина П.Я. Богачева «во дворе содержательницы проституток Лукиной в Хомутовской слободе накинута компания хулиганов, которые избili Богачева до полусмерти и, вытащив из кармана брюк кошелек с находящимися в нем деньгами 85 руб., скрылись»³². 9 мая 1903 г. крестьянин весьегонского уезда П-ъ «заехал в места злачные Хомутовской слободы», где в компании проститутки А. Некрасовой «зело выпил и заснул». С утра П. не нашел кошелька, в котором было 570 р.³³

13 августа 1901 г. крестьянин Костромской губернии М.А. Виноградов заявил, что после времяпрепровождения с проституткой М.Н. Крючковой сначала в портерной на Стоялой ул., а затем на ее квартире в Хомутовской слободе у него пропало около 60 р. Крючкова также отобрала у него «насильственным образом глухие серебряные часы с цепочкой». Крючкова сообщила, что денег не похищала, а часы крестьянин отдал добровольно за пиво, которым она его угощала. Проститутка С.С. Беляева по прозвищу

Сара подтвердила, что часы Виноградов отдал сам, а деньги у него пропали по дороге. Часы потерпевшему вернули, а вот деньги найти не удалось³⁴.

2 марта 1902 г. у губернского секретаря К.П. Ливанова, служившего в Ярославле в корпусе лесничих, в Хомутовской слободе в квартире проститутки А. Соболевой были украдены 50 р. Ливанов кутил около двух суток: «расходовал много денег, проводил время около проституток Соболевой и Соловьевой, ездил с ними в город по гостиницам», приглашал гармониста³⁵. Пропажу денег чиновник обнаружил на рыбинском железнодорожном вокзале и о краже заявлять не желал, так как опасался гласности. В полицию обратился находившийся в квартире крестьянин Московской губернии Севастьянов. Виновные установлены не были³⁶. В 1903 г. в одном из публичных заведений Хомутовской слободы «кутивший сын рыбинской домовладелицы Николай В., еще очень молодой человек, выстрелом из ружья напал убил одну из проституток»³⁷.

В 1904 г. ходатайство жителей Хомутовской слободы «о закрытии домов терпимости, возбужденное пред г. ярославским губернатором еще летом минувшего года, удовлетворено. В последнее время несколько таких „домов“ переехало на жительство в город. Они спокойно располагаются в улицах Спасской, Ивановской и в соседних с ними»³⁸.

Криминогенная обстановка, царившая в борделях, способствовала не только совершению различных преступлений, но и могла привести к погромам. Подобный случай произошел 15 мая 1905 г. в борделе владимирской крестьянки А.К. Архиповой. Публичное заведение располагалось в арендованном одноэтажном деревянном доме на ул. Спасской. Около 8 ч. вечера между младшим унтер-офицером Осташковского полка М.К. Рогалевым и крестьянином Ф.Ф. Лелекиным, находившимися в состоянии алкогольного опьянения с одной стороны и сожителем хозяйки публичного дома крестьянином Н.Н. Суховым и крестьянином И.Е. Подмориным с другой произошла ссора по вопросу оплаты оказанных в заведении услуг, закончившаяся тем, что М. Рогалев с разбитой головой оказался на улице, «после чего распоясал свой ремень с пряжкой» и начал выбивать им стекла в доме³⁹.

На шум собрался народ, «образовавший агрессивную толпу численностью от 500 до 600 чел. Большинство, не оставаясь праздными зрителями, начали громить заведение Архиповой, разбивались окна, двери, мебель, посуда, носильное платье частью уничтожались и растапывалось, частью – расхищалось. Деятельное участие как в разгроме, так и расхищении принимали казаки, присланные в город Рыбинск для поддержания порядка и спокойствия», а также подростки обоего пола и даже дети. Большинство

«внезапных преступников от бдительного ока полиции ускользнуло», но тем не менее несколько крестьян и мещан были задержаны⁴⁰.

Архипова рассказала, что «один из громил ворвался к ней в комнату, куда она было спряталась от испуга, и, найдя ее, нанес ей жестокие побои, который после этого стал ломать и выбрасывать ее имущество». Им оказался крестьянин Бежецкого уезда М.М. Кункин. Затем она заметила в своем помещении «жившую у нее ранее в числе девиц» Ф. Столярову, которая «несмотря на просьбу не делать разгрома, на ее глазах отвязала зеркало трюмо и передала его через окно кому-то на улицу». Всего было расхищено и испорчено имущества на 3 500 р., в том числе украдена шкатулка с 325 р.⁴¹

Также свидетели видели, как крестьянка Е.А. Кудрявцева схватила несколько наволочек, выброшенных из окна, и с ними скрылась; проститутка Евдокия Бочина влезла в окно, выбросила вещи из окна, затем подобрала их и ушла; проститутка Ф. Столярова схватила три одеяла и убежала; М.П. Кукова «таскала на квартиру к себе вещи»; «содержательница проституток Марианна Рафаилова Грейлих (Спасская улица) видела, как проститутка Марья Иванова Тыквина таскала в публику вещи»; «крестьянка В.Ф. Шабанова подхватила выброшенные из окна три шерстяные платья и бросилась бежать, а А.М. Гурьянова таскала какие-то другие вещи»⁴². В период сложных социально-политических условий публичные конфликтные ситуации могли спровоцировать не только погромы, но и общественные беспорядки.

Содержательницы проституток угнетали своих «подопечных», но обитательницы борделей, несмотря ни на что, защищали «хозяек» даже с помощью насилия. В 1913–1915 гг. в ярославском окружном суде слушалось «Дело о ссоре и драке между посетителями дома терпимости, принадлежащего Зарубиной в гор. Рыбинске». В ночь на 9 сентября 1913 г. в бордель Зарубиной с целью распития пива явился М. Киселев вместе с женой Е. Киселевой. Киселев находился в состоянии опьянения. Возникла ссора, и Зарубина ударила его шваброй. В ответ Киселева бросила в Зарубину бутылкой. Одна из проживавших у Зарубиной проституток, 20-летняя казанская мещанка З. Корнилова, пивной бутылкой «ударил Киселеву по носу с такой силой, что бутылка разбилась». Произошло вдавление носовой кости и хряща, которые «повлекли за собою неизгладимое обезображивание лица Киселевой». По мнению врачей, если бы пострадавшая не болела сифилисом, то «образовавшееся у нее от удара вдавление было бы меньшей степени». Корнилову приговорили к двухмесячному аресту⁴³.

Надзор за проституцией в Рыбинске был прекращен обязательным постановлением Рыбинско-

го городского комитета общественных организаций от 2 мая 1917 г., согласно которому все существовавшие в Рыбинске дома терпимости подлежали закрытию, а регистрация проституток отменялась. Комитет предложил содержателям домов терпимости немедленно их закрыть, а проживавших в них проституток распустить, произведя с ними предварительный «справедливый расчет». За невыполнение постановления виновным грозило заключение в тюрьме до 6 месяцев, либо арест до 3 месяцев, либо денежное взыскание до 300 р.⁴⁴

Проституция в середине XIX – начале XX вв. являлась легальной профессией. Большинство рыбинских проституток происходило из малоимущих слоев населения. В разряд публичных женщин попадали, в частности, замужние женщины. Добровольное поступление в проститутки или регистрация после уличения в тайной проституции вели к изменению социального статуса и ограничению личной независимости женщин, в том числе возможности свободного передвижения и устройства на официальную работу. В Рыбинске взамен паспорта выдавалась специальная медицинская книжка публичной женщины. Законное перемещение в другие города было допустимо при наличии специального проходного свидетельства. Выход из числа проституток был возможен лишь после одобрительного заключения со стороны местных полицейских властей, которые не всегда объективно оценивали ситуацию.

В конце XIX в. в связи с ростом венерических заболеваний среди нижних воинских чинов в Рыбинске был активизирован надзор за проституцией. В городе действовала смешанная врачебно-полицейская комиссия по предупреждению распространения венерических заболеваний. Совместными усилиями полиции и врачей удалось снизить количество заразившихся. В зимнее время медицинские освидетельствования публичных женщин стали проводиться один раз в неделю вместо предусмотренных двух.

Проституция в Рыбинске как общественное явление имела свои особенности. В период навигации численность проституток значительно возрастала. Помимо городских улиц публичные женщины концентрировались в прилегающей к городу Хомутовской слободе. Условия проживания проституток-одиночек зачастую не отвечали минимальным санитарным требованиям. Они безжалостно эксплуатировались содержательницами притонов. Проституции сопутствовали пьянство, преступность. Криминогенная обстановка рыбинских борделей способствовала совершению самых различных правонарушений – от краж до убийств. Подобные заведения притягивали представителей как социальных низов, так и достаточно уважаемую публику, желавшую развлечься, особенно в чужом городе.

Примечания

¹ Старый Рыбинск: История города в описаниях современников XIX–XX вв. Рыбинск: Михайлов посад, 1993. С. 162.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ярославская губерния. Санкт-Петербург: Тип. кн. В.И. Мещерского, 1904. С. 1.

³ Бесчинский А.Я. Путеводитель по Волге. 2-е изд. Москва: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 72.

⁴ Государственный архив Ярославской области. Рыбинский филиал (ГАЯО РБФ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 681. Л. 1–63.

⁵ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 545. Л. 2.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1052. Л. 36.

⁸ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–2.

⁹ Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. А. Дубровского. Санкт-Петербург: Тип. Мин. внутр. дел, 1890. С. 16–36.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 906. Л. 85–86.

¹¹ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹² ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1052. Л. 36.

¹³ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1128. Л. 45.

¹⁴ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1–2.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 120.

¹⁷ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 120.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹⁹ ГАЯО РБФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78. Л. 73.

²⁰ ГАЯО РБФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78. Л. 115.

²¹ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 681. Л. 169.

²² ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 87–88.

²³ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 102–104.

²⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 54–57.

²⁵ Северный край. 1900. № 283. 26 окт.

²⁶ Северный край. 1904. № 20. 22 янв.

²⁷ Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. «Михайлов посад». 1993. С. 321–322.

²⁸ Северный край. 1903. № 230. 1 сент.

²⁹ ГАЯО РБФ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–16.

³⁰ Северный край. 1903. № 230. 1 сент.

³¹ Северный край. 1903. № 76.

³² Северный край. 1903. № 184. 15 июля.

³³ Северный край. 1903. № 137. 28 мая.

³⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 881. Л. 3–6.

³⁵ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 923. Л. 1–4.

³⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 923. Л. 38–39.

³⁷ Северный край. 1903. № 240. 12 сент.

³⁸ Северный край. 1904. № 20. 22 янв.

³⁹ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 10–11.

⁴⁰ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 10–11.

⁴¹ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 12–14.

⁴² ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 15.

⁴³ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1471. Л. 7–10.

⁴⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

Список литературы

Ге А.Г. По поводу надзора за проституцией г. Казани. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 12 с.

Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). Москва: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.

Поспелов А.И. Новая система надзора за проституцией в Москве. Санкт-Петербург: Тип. П.И. Шмидта, 1888. 6 с.

Сидоркин Ю.В., Орлов Д.В. Полицейский надзор за проституцией как неотъемлемая составляющая нравственного благочиния в условиях регламентации // Genesis: исторические исследования. 2020. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32648 (дата обращения: 10.10.2023).

Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. Санкт-Петербург: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.

References

Fedorov A.I. *Ocherk vrachebno-politseiskogo nadzora za prostitutsiei v S.-Peterburge* [An essay on medical and police supervision of prostitution in St. Petersburg]. Saint Petersburg, St. Petersburg City Government Publ., 1897, 64 p. (In Russ.)

Ge A.G. *Po povodu nadzora za prostitutsiei g. Kazani* [Regarding the supervision of prostitution in Kazan]. Kazan, Printing house Imp. University Publ., 1892, 12 p. (In Russ.)

Konchakovskaia N.B. *Prostitutsiia v gorodskoi povsednevnosti Permskoi gubernii v kontse XIX - nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Vestnik of Perm University], 2020, No. 2 (49), pp. 67-79. (In Russ.)

Lebina N.B., Shkarovskii M.V. *Prostitutsiia v Peterburge (40-e gg. XIX v. - 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (the 40s of the XIX century – the 40s of the XX century)]. Moscow, Progress-Academia Publ., 1994, 221 p. (In Russ.)

Pospelov A.I. *Novaia sistema nadzora za prostitutsiei v Moskve* [The new system of supervision of prostitution in Moscow]. Saint Petersburg, P.I. Shmidta Publ., 1888, 6 p. (In Russ.)

Sidorkin Iu.V., Orlov D.V. *Politseiskii nadzor za prostitutsiei kak неот"emlemaia sostavliaiushchaia nrvst-*

vennogo blagochiniia v usloviakh reglamentatsii [Police supervision of prostitution as an integral component of moral decency in the conditions of regulation]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: Historical Research], 2020, No. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32648 (access date: 10.10.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.